

...Не преисполняйтесь жадностью, гневом, глупостью и страстными желаниями, не привязывайтесь к формам, звукам, запахам, вкусам и осязательным ощущениям. Лишь радостно вспоминайте блага, содеянные прошлыми Буддами. Праведное ведите житие, удаляйтесь от иллюзий. Опираясь на врата абсолютной Истины, возвращайте корни всех добродетелей. Не страштесь бесчисленных бедствий, будьте скромны и довольствуйтесь малым...

У пруда с лотосами постепенно собиралась большая толпа слуг. Голос монаха, проповедующего сутру посреди них, тёк подобно чистому роднику, отчего сердца окружающих сами собой обретали покой. Некоторые служанки остановились лишь потому, что были очарованы красивой внешностью монаха. Сидя со скрещенными ногами, он был обращен спиной к закатному солнцу, которое окутывало его фигуру золотисто-багряным сиянием, а уголки его губ трогала едва заметная улыбка — со стороны в этот миг он казался существом не от мира сего.

Какая-то молодая служанка с хорошей памятью блаженно прижала ладони к щекам и выпалила в исступлении:

— Мне кажется, наставник Цзю Цзянь — вылитый тот образ из сутры, что он только что читал: «Если живые существа узрят моё сияние, озаряющее их тела, разве не обретут они мир и радость?» Если, попав в Буддистскую Чистую Землю, можно будет каждый день видеть наставника Цзю Цзянь, я готова всю жизнь творить добро и накапливать заслуги, лишь бы выпал шанс туда попасть!

Стоявшая рядом служанка безжалостно шлёпнула её по затылку:

— Да ты не о буддизме мечтаешь, ты хочешь каждый день пялиться на великого мастера!

Хотя мои навыки внутренней энергии не так уж высоки, столь бесцеремонный разговор я всё же расслышал. Закончив проповедь для обитателей поместья, я проследил взглядом за звуком голоса той девицы, что только что предавалась мечтаниям, и столкнулся нос к носу с двумя парами испуганных и растерянных глаз. Я было хотел улыбнуться им в знак вежливого приветия, но, стоило им заметить мою улыбку, как они тут же бросились наутёк. Поистине, оставалось лишь гадать — смеяться тут или плакать.

— Ве... великий мастер, — робкий, едва слышный голос привлёк моё внимание. К тому моменту зеваки уже почти разошлись, и лишь обладательница этого голоса осмелилась приблизиться. — Я... я хотела бы задать великому мастеру один, один вопрос... Можно?

Она стояла передо мной против солнца, и её лицо скрывалось в тени, из-за чего и без того не слишком живая девушка казалась еще мрачнее. Я обвел взглядом её запавшие глазницы и осунувшиеся плечи:

— Разумеется. О чём бы ни желала спросить благодетельница?

Голос её звучал тонко, словно жужжание комара:

— Скажи, Будда... принимает ли он тех, кого принудили совершить... кое-какие скверные дела?

Я замер, а затем с уверенностью ответил:

— Принимает. Благодетельница, с вами что-то случилось? Если можете поведать об этом скромному монаху, возможно, он сумеет вам помочь.

Она нервно огляделась по сторонам и отчаянно затрясла головой:

— Нет, со мной не случилось ничего дурного.

Уверая в этом словами, на землю она уронила капли слёз:

— Для такой, как я, само выживание — уже благое дело.

С этими словами она собралась уйти.

Я ловко схватил её за предплечье:

— Благодетельница, подождите!

Это движение — резкий шаг и взмах — подняло легкий ветерок, и в тот самый миг мне на глаза попало то, что скрывали рукава её одежды: тёмно-фиолетовые следы от укусов, синюшные отпечатки пальцев... и множество царапин.

Она явно испугалась, когда я её перехватил, и я поспешно разжал пальцы:

— Простите, но скромный монах просто не в силах оставить благодетельницу вот так. Если о чём-то не подобает говорить здесь, не соизволите ли отвести меня туда, где нам никто не помешает?

Скажи такое кто-нибудь другой из мужчин, эта девушка, пожалуй, испугалась бы и бросилась бечь без оглядки, но, быть может, дело было в ауре святого монаха, источаемой моим естеством: поразмыслив немного, она всё же отвела меня в обветшалую кладовую.

— Великий мастер! — она рухнула на колени. — Я и впрямь не знаю, к кому обратиться, никто не в силах мне помочь! Умоляю, умоляю вас, заберите меня отсюда! Я стану стирать, готовить, прибирать в доме, а чему не умею — научусь. Позвольте мне остричь волосы и уйти в монахини, только дайте уйти отсюда! Кроме вас, мне больше некого назвать тем, кому я могу довериться!

— Благодетельница, прошу, встайте.

Я попытался поднять её, но она отказывалась подниматься, и на моей монашеской рясе остались следы от её впившихся ногтей:

— Благодетельница, не спешите, поведайте сначала скромному монаху, откуда на вашем теле

эти раны?

— Нет! — она схватила себя за волосы, испустив пронзительный и приглушенный плач. — Я не могу рассказывать! Расскажу — умру. Я не хочу, чтобы мне выкололи глаза, не хочу!

Цепляясь за полу моей одежды, она безвольной глиной осела на пол:

— Почему же так, наставник? Почему кто-то молит о долголетьи, а я желаю лишь поскорей умереть? Почему именно я? Почему кто-то рождается знатным и благородным, а я испытываю столь тяжкие муки?

Я присел на корточки и рукавом вытер её слёзы и сопли, после чего смог как следует разглядеть её лицо. У неё был правильный овал лица, черты типичной скромной красавицы из простой семьи. И хотя глазницы запали, а взгляд рассеян, всё же в ней угадывалось трогательное, вызывающее жалость очарование.

— Живые существа в десяти направлениях со времён безначальных кружат в пяти путях перерождений, и скорби с горестями не имеют конца.

Я извлек из пазухи флакон с мазью от наружных повреждений, закатал ей рукава и, зачерпнув пальцем прохладный целебный состав, начал смазывать раны:

— Тяжки страдания при жизни, тяжки страдания в старости, безмерны муки в болезни, невыносима агония смерти. Благодетельница, все в этом мире претерпевают страдания, но спасение зависит от самого человека.

Глядя на собственные шрамы, она тихо спросила:

— Разве великий мастер не считает меня грязной?

Я ответил:

— Грязь на теле можно смыть водою, а вот скверну в сердце изгнать трудно. В сердце же благодетельницы нет скверны, а потому скромный монах не находит вас грязной.

— Даже если я причиняла зло людям, великий мастер всё равно считает, что в моем сердце нет скверны?.. — она с надеждой посмотрела на меня. — Скажите, наставник, неужели в Буддистской Чистой Земле и впрямь так прекрасно, как вы говорите? И как такой, как мне, удастся туда попасть?

— Можно, — твёрдо произнес я. — Стоит лишь благодетельнице от всего сердца обратиться к этой вере и накапливать благие заслуги — пускай эта жизнь и полна тяжких трудов, продлится она не дольше мига. После того сможешь переродиться в Стране Безграничной Жизни, где обрешь радость без конца.

— Благодетельница, спасение людей и есть накопление благих заслуг.

Видя, что её смятение немного отступило, я решил ковать железо пока горячо:

— Если рассказ о случившемся скромному монаху поможет спасти тех, кто разделяет вашу участь, согласится ли благотельница помочь скромному монаху?

Благодаря моим непрерывным утешениям — пускай страх и въелся ей в самые кости, из-за чего о многом она рассказывать по-прежнему не смела — она всё же поведала мне общую картину происходящего. Звали её Тянь Кэ-эр. Пять лет назад торговцы людьми продали её в Поместье Маркиза, Усмиряющего Север. Поскольку она отличалась довольно миловидной внешностью, а к работе относилась усердно и всегда носила всё делать первой, её то и дело задирали потомственные слуги поместья. Ей, купленной со стороны, было не тягаться с челядью, за спиной которой стояли родители. Стоило ей пару раз поспорить с ними, как её едва не выжили из стирки в ночные горшки. В ту пору её заветнейшей мечтой было приглануться какому-нибудь господину и стать его наложницей: чтобы вволю лакомиться хорошими сладостями, носить красивые наряды и не обязательно добиваться долгой любви — достаточно было бы милости в течение хотя бы нескольких дней, чтобы наконец узнать, каков на вкус тот изысканный сухофрукт из кухни, на который можно было только смотреть, но не дотронуться. Увы, господ во всём поместье насчитывалось всего трое: барышня вечно пропадала где-то вне дома, а маркиз с юным господином тоже жаловали поместье редкими визитами. Однако она не пала духом и в конце концов выведала одну вещь: в Обители Лотоса, самом живописном уголке поместья, время от времени останавливался некий племянник господина. Вот только его передвижения были окутаны тайной — порой даже управляющие не ведали, когда именно он заселялся туда. Зато всякий раз, когда этот гость приезжал, из Обители Лотоса доносился дивный аромат, от которого на душе становилось радостно. Говорили, что маркиз души не чаял в этом племяннике, и Тянь Кэ-эр загорелась идеей: если ей удастся завоевать расположение племянника господина и он уведёт её из поместья или дарует достойное положение, жизнь её станет много проще.

Она всего лишь хотела прожить несколько хороших дней, но и помыслить не могла, что столь простое желание толкнёт её напрямик в бездну. Оказалось, что её расспросы давным-давно заметили со стороны. Она думала, что добыла сведения сама, но даже не подозревала, что кто-то намеренно подбросил их ей. Дядя по имени «дворянский молодой господин» велел понаблюдать за ней несколько дней, а затем приказал схватить. Сначала он ласково и учтиво уговаривал её, велел надуть благовониями и нарядить, но когда она уже решила, что её заветное желание наконец исполнилось, то вдруг поняла, что её подложили в постель какому-то незнакомому мужчине. Она хотела сопротивляться, стоило лишь зажечь благовония в комнате, как она потеряла голову от блаженства, а затем...

Позже Тянь Кэ-эр узнала, что благовония, которые курились во время её близости с самыми разными богатыми торговцами и чиновниками, вовсе не были обычным приворотным зельем, продававшимся на рынке. Это было сырьё для изготовления препарата под названием Порошок Высшего Блаженства. Стоило человеку вдохнуть его, как он погружался в пучину предельного наслаждения, к тому же оно вызывало привыкание. Тот самый молодой господин использовал таких «домашних блудниц», как Тянь Кэ-эр, чтобы держать в подчинении нужных ему людей. Благовония во время интимной близости служили лишь приманкой, вызывающей зависимость, а Порошок Высшего Блаженства более высокой степени очистки становился средством полного контроля над чужой волей. Подобных домашних куртизанок, как Тянь Кэ-эр, было ещё немало — все они являлись одинокими и несчастными девушками, за которых некому было заступиться, даже если бы они умерли. Некоторые из них были покорными, другие же — нет. Дворянский братец не стал бы тратить Порошок Высшего Блаженства на

каждую по отдельности, но его благовония, впитывавшиеся день за днем, позволяли крепко держать их под контролем. Тех редких несчастных, кто не выдерживал, пытался сбежать или передать весть наружу, люди двоюродного брата на глазах у всех выкапывали глаза и растирали их прямо оземь, а затем утаскивали тело в неизвестном направлении, чтобы избавиться от него. Эти страшные, леденящие душу крики до сих пор не давали Тянь Кэ-эр уснуть по ночам.

Быть может, из-за чрезмерной уверенности в собственных методах двоюродный братец не слишком ограничивал передвижения этих домашних куртизанок по Поместью Маркиза, Усмиряющего Север. Они жили под тем же солнцем, что и все остальные, ничего не ведающие люди, но пронизывающий до костей холодок цепко опутывал в темноте их руки, ноги, рты и носы. Они не могли пошевелиться, не могли сказать ни слова, не могли вздохнуть, полностью превратившись в послушных марионеток в чужих руках. Полгода назад я обнаружила, что беременна. Тянь Кэ-эр в отчаянии погладила свой плоский живот. Из-за пристрастия к Порошку Высшего Блаженства у меня часто случались задержки, поэтому, когда я поняла, что ношу ребенка, он уже два месяца развивался внутри меня.

Появление этого плода было одновременно чудом и кошмаром. Тянь Кэ-эр знала, что как только двоюродный господин вернется, он ни за что не позволит оставить этого ребенка. К тому же она слышала, будто женщины, подсевшие на Порошок Высшего Блаженства, рожают младенцев, от рождения отравленных ядом, а чаще всего те и вовсе не появляются на свет. Но она почему-то отчаянно хотела сохранить этого малыша — возможно, потому, что, кроме него, она не представляла, что еще может оставить после себя в этом мире.

Полная надежды, Тянь Кэ-эр вцепилась мне в руку: Я уже подсчитала: ломка нападает на меня раз в три дня, и я сама перетерпела ее уже пять раз. Если до самых родов я больше не прикоснусь к этой дряни, сможет ли он родиться здоровым?

Я встретила с ней взглядом, вспомнив страшные следы от укусов и царапин на ее предплечьях: оказывается, всё это было доказательством того, как изо всех сил она сдерживала наркотическую ломку. В горле точно застрял тяжелый камень, и я какое-то время не могла вымолвить ни слова. Я не знала, как сказать ей, что даже если она сумеет совладать с собой, долгое и серьезное воздержание от лекарства с легкостью может вызвать гибель мозга у плода или привести к уродствам. Короче говоря, шанс родиться здоровым ребенком... был практически равен нулю.

Я обязательно уведу тебя отсюда. Я услышала собственный голос: Со мной путешествует герой Чу, а ему можно доверять. У него много друзей, и я думаю, человек, которого ты боишься, вернется нескоро. Когда мы уничтожим логово, где производят Порошок Высшего Блаженства, и схватим тех, кто тебя погубил, мы отправим тебя туда, где тебя никто не знает, чтобы ты могла начать нормальную жизнь. Дело было вовсе не в том, что мне не хотелось спасти человека немедленно. Просто, если Поместье Маркиза, Усмиряющего Север и впрямь замешано в сговоре с Павильоном Ветров и Облаков, нам — мне, Вэй Минцзюэ и Чу Шэчжи — самим не позваться бы живыми. Пожалуй, пока тот двоюродный брат еще не вернулся, было куда безопаснее позволить ей и дальше прятаться в Поместье Маркиза, Усмиряющего Север.

Чиновникам нашей династии строго-настрога запрещалось посещать кварталы красных

фонарей, а сами бордели привлекали слишком много внимания. Именно поэтому приспешники двоюродного братца каждый месяц устраивали выставки антиквариата, а также поэтические и художественные собрания. Участники этих мероприятий вытягивали деревянные бирки с особыми отметками, и тогда по ночам к ним под видом доставленных на осмотр древностей отправлялись для утех домашние куртизанки. Имена этих гостей обычно держались в тайне от самих куртизанок, а потому и Тянь Кэ-эр толком не знала, кем они были на самом деле. Выяснить это удастся лишь через организаторов подобных выставок и постоянные места их проведения. Набросав в общих чертах план, я решил поторапливаться, чтобы поскорее воссоединиться с Чу Шэчжи.

— Наставник Цзю Цзянь! — окликнула меня сзади Тянь Кэ-эр и смущенно заговорила: — Я слышала, что вещи, которые носят высокие монахи, способны оберегать людей и даровать им здоровье и мир. Не мог бы наставник подарить мне что-нибудь из того, что носите при себе? Я непременно буду носить это у самого сердца и никому не покажу.

Я слегка опешил, немного подумал и снял с запястья четки из наньму:

— Малыш-монах выточил их сам в монастыре от нечего делать. Хотя высоким монахом меня назвать нельзя, я от всего сердца буду молиться о здравии благодетельницы и младенца во чреве.

— Мм! — радостно приняв четки, Тянь Кэ-эр проводила меня взглядом. В ту самую секунду, когда я закрывал за собой дверь, она тихо произнесла: — Наставник Цзю Цзянь, спасибо вам.

Я обернулся и посмотрел на нее. Она все так же тихо стояла на прежнем месте: по мере того как створки двери сходились, ее фигуру на мгновение осветило лучами солнца, после чего она снова погрузилась во мрак.

<http://bllate.org/book/22245/2325290>